

УДК 323.2

DOI: 10.34670/AR.2026.60.39.001

Исторические аспекты и современные тенденции цифрового управления

Болдырев Олег Геннадьевич

Аспирант,
Воронежский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
394005, Российская Федерация, Воронеж, просп. Московский, 143;
e-mail: kafpru@vtn.ranepa.ru

Подвальный Евгений Семенович

Доктор технических наук, профессор,
Воронежский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
394005, Российская Федерация, Воронеж, просп. Московский, 143;
e-mail: nauka@rags.vrn.ru

Аннотация

Процесс формирования глобальной архитектуры цифрового управления сталкивается с серьезными вызовами, что приводит к углублению цифрового неравенства и формированию изолированных технологических блоков. Глобальный тренд на цифровизацию государственного управления означает разработку и внедрение мировыми державами стратегий по достижению лидерства в технологической сфере для целей продвижения своих технологий и моделей на мировые рынки. Это подразумевает взаимодействие государственных акторов в рамках технологической дипломатии. Обладание передовыми цифровыми технологиями рассматривается не просто как фактор экономического роста, но как императив национальной безопасности и геополитического влияния.

Для цитирования в научных исследованиях

Болдырев О.Г., Подвальный Е.С. Исторические аспекты и современные тенденции цифрового управления // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 5А. С. 7-13. DOI: 10.34670/AR.2026.60.39.001

Ключевые слова

Цифровое глобальное управление, цифровая трансформация публичной власти, экономическая цифровизация, технологический суверенитет, политико-дипломатический трек цифровизации, технологическая дипломатия, кибербезопасность, искусственный интеллект.

Введение

Формирование современной архитектуры цифрового государственного управления неразрывно связано с траекторией развития информационно-коммуникационных технологий, генезис которых во многом был детерминирован логикой военно-политического противостояния периода холодной войны.

Цифровая трансформация публичной власти сегодня является прямым продолжением технологической эволюции, изначально заложенной в закрытых оборонных программах, и в настоящее время сталкивается с качественно новыми вызовами, связанными с внедрением искусственного интеллекта и обеспечением кибербезопасности.

Историческая ретроспектива демонстрирует, что цифровая эпоха стартовала с фундаментальных разработок в сфере кибернетики и автоматизированных систем управления, вызванных потребностями военного планирования. В СССР начальный этап цифровой эпохи также характеризовался жесткой привязкой разработок в области электронно-вычислительной техники к потребностям оборонно-промышленного комплекса. Советские ЭВМ первого поколения (МЭСМ, БЭСМ, «Стрела») создавались для нужд оборонного ведомства и обладали оригинальной архитектурой и разрабатывались на основе собственных научных школ [IT как театр военных действий, 2014]. К 1959 г. возникла концепция двойного назначения вычислительных сетей в виде проекта «Красная книга» А. Китова, направленная на создание глобальной общегосударственной компьютерной сети для сбора и обработки данных как гражданского, так и военного характера. Однако дальнейшая ставка советского руководства на заимствование западных высоких технологий в условиях политики «разрядки» привела к утрате технологического суверенитета, снижению темпов экономического развития и ликвидации технологического потенциала в условиях последовавшего распада СССР.

Российская стратегия цифровой трансформации прошла путь от базового развития инфраструктуры к качественно новому этапу, закреплённому в нацпроекте «Экономика данных».

Основная часть

Развитие ИКТ во 2-й пол. XX – нач. XXI вв. стало не просто техническим, но фундаментальным экономическим процессом, кардинально трансформировавшим структуру мирового хозяйства, природу труда и механизмы государственного регулирования. Теоретическое осмысление перехода к экономике, основанной на знаниях и информации, началось в 1960-х гг. в условиях фундаментального сдвига от производства товаров к производству услуг и информации. Этот процесс, концептуализированный в теориях постиндустриального и информационного общества, сопровождался автоматизацией рутинных операций и роботизацией производства, высвобождая рабочую силу и создавая спрос на специалистов в области обработки данных, программирования и управления информационными потоками.

Как подчеркивает В.П. Вишневский, современная промышленность, будучи генератором научно-технического прогресса, сама становится крупнейшим потребителем и источником больших данных, что размывает границы между индустриальным и постиндустриальным укладами [Вишневский, 2019, с. 610]. Текущий этап цифровизации экономики связан с

платформизацией, которая коренным образом меняет не только модели ведения бизнеса, но и социально-трудовые отношения. Как отмечает Е.С. Садовая, главным итогом цифровизации рынка труда стало превращение традиционных предприятий в краудворкинговые платформы, обслуживающие неограниченный круг работодателей [Садовая, 2022, с. 104]. Следствием стал массовый переход от отношений найма к самозанятости и фрагментация социально-трудовых отношений.

Тенденция роста числа платформенных работников до половины работающего населения особенно ярко прослеживается в США, при этом аналогичный тренд наблюдается и в других странах, включая Россию. Отмечаются и сопутствующие риски, связанные с уклонением от уплаты налогов и социальных взносов, ростом технологической безработицы и дальнейшего расслоения общества в результате неконтролируемого внедрения ИИ и автоматизации [IT как театр военных действий, 2014].

Цифровые технологии оказывают все более заметное влияние на макроэкономическое регулирование. Так, внедрение современных ИКТ в российское налоговое администрирование обеспечивает устойчивый прирост налоговых поступлений в бюджет даже на фоне стагнации экономики [Вишневский, 2019, с. 610]. В то же время, риск чрезмерного изъятия ресурсов из реального сектора может привести к замедлению экономического роста, что свидетельствует о необходимости дальнейшей калибровки цифровых инструментов в системе макроэкономического регулирования, основанной на балансе между стимулированием инноваций и поддержанием инвестиционной активности.

Несмотря на безусловные преимущества, стремительная цифровизация глобальной экономики породила новые вызовы для конкурентной среды. Н.Розанова обращает внимание, что цифровизация облегчает тайный сговор между ведущими корпорациями и затрудняет выявление картельных соглашений, при этом традиционные меры в виде штрафов становятся малоэффективными [Розанова, 2022, с. 18]. Платформизация экономики создает парадоксальную ситуацию: отсутствие выбора у клиента платформы (одноузловая структура) сопровождается сильнейшей конкуренцией за него, тогда как наличие выбора (многоузловая структура) часто ведет к монопольным эффектам.

Современный этап характеризуется обострением межгосударственной конкуренции в сфере высоких технологий, которая приобретает характер «новой холодной войны». Борьба за лидерство в разработке и внедрении технологий 5G, искусственного интеллекта и микроэлектроники стала центральным элементом ведущейся технологической дипломатии. Обладание передовыми цифровыми технологиями рассматривается не просто как фактор экономического роста, но как императив национальной безопасности и геополитического влияния.

Параллельно с экономическими и регуляторными мерами, технологическая дипломатия опирается на использование больших данных и искусственного интеллекта [Гришанина, 2021, с. 683]. Стратегические планы Госдепартамента США наглядно демонстрируют, что цифровая дипломатия направлена не только на формирование позитивного имиджа страны, но и на решение задач, непосредственно связанных с технологической конкуренцией, посредством массированного адресного информационно-психологического воздействия на зарубежную аудиторию [Цветкова, 2020, с. 437]. К их числу относятся дискредитация идеологических и технологических противников, противодействие информационной деятельности Китая и России в глобальной сети, а также мобилизация протестных настроений в странах,

рассматриваемых как конкуренты [Зиновьева, 2013, с. 214]. Неотъемлемой частью современной технологической дипломатии стало использование фейковых новостей и аккаунтов в социальных сетях, в том числе государственных органов [Сурма, www]. Таким образом, современные процессы цифровизации государственного управления обусловлены результатами военно-технического, экономического и политико-дипломатического развития.

Экономический вектор обеспечил масштабирование и массовую диффузию цифровых технологий, превратив их из специализированных инструментов в базовую инфраструктуру хозяйственной и социальной жизни. Процессы платформизации экономики, трансформации рынка труда в сторону самозанятости и удаленной работы, а также взрывной рост электронной коммерции и цифровых финансов, включая финтех и криптоактивы, создали объективный запрос на принципиально новые форматы взаимодействия государства с бизнесом и гражданами. Экономическая цифровизация, с одной стороны, предоставила государству мощные инструменты для повышения эффективности администрирования и фискального контроля, а с другой - поставила перед ним вызовы, связанные с необходимостью регулирования новых рынков, борьбы с цифровыми монополиями и обеспечения социальной стабильности в условиях прекаризации занятости.

Наконец, политико-дипломатический трек знаменует превращение цифровых технологий в арену ожесточенной геополитической конкуренции и борьбы за глобальное лидерство. Внешнеполитический курс России в цифровой сфере строится на критике однополярной модели управления интернетом и продвижении идеи равноправного участия всех государств в принятии решений. Так, Москва указала, что резолюция Генассамблеи ООН № A/RES/79/239 о применении ИИ в военной области [Генеральная Ассамблея ООН, 2024] создает риски подрыва многосторонних усилий в рамках Группы правительственных экспертов, а критерий «ответственного применения» вкупе со ссылками на региональные инициативы не должны задавать стандарты для переговоров [Выступление В.В. Гончаровой, 2024]. На международной арене официальные представители РФ призывают к отказу от «протекционизма, политически мотивированных ограничений и барьеров в доступе к технологиям и ресурсам» [Захарова заявила, 2025].

Технологическая дипломатия, протекционистские меры, санкционные войны, а также массированное информационно-психологическое воздействие на общественное мнение стали неотъемлемыми элементами внешней политики ведущих держав. В этой парадигме технологический суверенитет и способность государства обеспечить безопасность своей информационной инфраструктуры и данных граждан превращаются из технической задачи в фундаментальный императив национальной безопасности. Это, в свою очередь, стимулирует развитие государственных программ импортозамещения в IT-сфере, формирование национальных стратегий в области ИИ и кибербезопасности, а также создание суверенных цифровых платформ.

Заключение

Таким образом, современные процессы цифровизации государственного управления находятся в эпицентре пересечения этих мощных силовых линий. Государство вынуждено одновременно внедрять технологии двойного назначения, адаптироваться к стихийной цифровизации экономической и социальной сфер и выстраивать защитные механизмы для

противодействия внешним угрозам и сохранения суверенитета в цифровую эпоху. Понимание этой сложной, многофакторной природы цифровой трансформации является ключевым условием для выработки эффективной и сбалансированной политики в сфере цифрового государственного управления, способной не только отвечать на текущие вызовы, но и проактивно формировать желаемый образ будущего.

Библиография

1. Вишневский В.П. Цифровая экономика в условиях четвертой промышленной революции: возможности и ограничения / В.П. Вишневский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. — 2019. — Т. 35. — Вып. 4. — С. 606-627.
2. Выступление представителя Российской Федерации В.В. Гончаровой с разъяснением позиции по проекту резолюции «Применение искусственного интеллекта в военной области и его последствия для международного мира и безопасности» L.43 в Первом комитете 79-й сессии ГА ООН / Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. — 2024. — 06.11. — URL: https://russiaun.ru/ru/news/1c_61124
3. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция № A/RES/79/239 Применение искусственного интеллекта в военной области и его последствия для международного мира и безопасности / ООН. — 2024. — 24.12. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4071348?v=pdf>
4. Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия США в 2009-2020 гг. в свете развития инновационных технологий / Т.А. Гришанина // Манускрипт. — 2021. — Т. 14. — Вып. 4. — С. 682-688.
5. Захарова заявила, что РФ выступает за сокращение цифрового разрыва в мире / Москва24. — 2025. — 07.09. — URL: <https://www.m24.ru/news/politika/07092025/828246>
6. Зиновьева Е. Цифровая дипломатия, международная безопасность и возможности для России / Е. Зиновьева // Индекс Безопасности. — 2013. — Т. 19. — № 1 (104). — С. 213-228.
7. IT как театр военных действий / D-Russia. — 2014. — 21.02. — URL: <https://d-russia.ru/it-kak-teatr-voennykh-dejstvij.html>
8. Лукьянович Н.В. Так ли новы риски развития искусственного интеллекта в экономике и обществе? / Н.В. Лукьянович, С.А. Некрасов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2024. — Т. 17. — № 5. — С. 44-60.
9. Розанова Н. Зарубежный опыт поддержки конкуренции в цифровой экономике / Н. Розанова // Мировая экономика и международные отношения. — 2022. — Т. 66. — № 2. — С. 15-22.
10. Садовая Е.С. Рынок труда в цифровой экономике — перспективы регулирования / Е.С. Садовая // Мировая экономика и международные отношения. — 2022. — Т. 66. — № 10. — С. 102-111.
11. Сурма И.В. Цифровая дипломатия и информационное противостояние в мировой политике / И.В. Сурма. — URL: https://bookonline.ru/system/files/node/lecture/7-6_summa_531-539.pdf
12. Цветкова Н.А. Цифровизация публичной дипломатии США / Н.А. Цветкова // Актуальные проблемы мировой политики. — 2020. — Вып. 10. — С. 432-443.

Historical Aspects and Modern Trends of Digital Governance

Oleg G. Boldyrev

Postgraduate Student,
Voronezh Branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
394005, 143, Moskovskiy ave., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: kafppu@vm.ranepa.ru

Evgenii S. Podval'nyi

Doctor of Technical Sciences, Professor,
Voronezh Branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
394005, 143, Moskovskiy ave., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: nauka@rags.vrn.ru

Abstract

The process of forming the global architecture of digital governance faces serious challenges, which leads to the deepening of digital inequality and the formation of isolated technological blocs. The global trend towards the digitalization of public administration implies the development and implementation by world powers of strategies to achieve leadership in the technological sphere for the purpose of promoting their technologies and models to world markets. This implies the interaction of state actors within the framework of technology diplomacy. The possession of advanced digital technologies is viewed not merely as a factor of economic growth, but as an imperative of national security and geopolitical influence.

For citation

Boldyrev O.G., Podval'nyi E.S. (2026) Istoricheskie aspekty i sovremennye tendentsii tsifrovogo upravleniya [Historical Aspects and Modern Trends of Digital Governance]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (5A), pp. 7-13. DOI: 10.34670/AR.2026.60.39.001

Keywords

Digital global governance, digital transformation of public authority, economic digitalization, technological sovereignty, political-diplomatic track of digitalization, technology diplomacy, cybersecurity, artificial intelligence.

References

1. Grishanina, T.A. (2021). Tsifrovaya diplomatiya SShA v 2009-2020 gg. v svete razvitiya innovatsionnykh tekhnologiy [US Digital Diplomacy in 2009-2020 in the Light of Innovative Technology Development]. *Manuskript*, 14 (4), 682-688.
2. IT kak teatr voennykh deystviy [IT as a Theater of Military Operations]. (2014, February 21). D-Russia. <https://d-russia.ru/it-kak-teatr-voennykh-deystviy.html>
3. Lukyanovich, N.V., & Nekrasov, S.A. (2024). Tak li novy riski razvitiya iskusstvennogo intellekta v ekonomike i obshchestve? [Are the Risks of Artificial Intelligence Development in Economy and Society Really New?]. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, 17(5), 44-60.
4. Official representative of the Russian Federation V.V. Goncharova's statement explaining the position on draft resolution L.43 "Application of artificial intelligence in the military field and its implications for international peace and security" in the First Committee of the 79th session of the UN General Assembly. (2024, November 6). Permanent Mission of the Russian Federation to the UN. https://russiaun.ru/ru/news/1c_61124
5. Rozanova, N. (2022). Zarubezhnyy opyt podderzhki konkurentsii v tsifrovoy ekonomike [Foreign Experience in Supporting Competition in the Digital Economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 66(2), 15-22.
6. Sadovaya, E.S. (2022). Rynok truda v tsifrovoy ekonomike — perspektivy regulirovaniya [The Labor Market in the Digital Economy — Prospects for Regulation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, 66(10), 102-111.

7. Surma, I.V. (n.d.). Tsifrovaya diplomatiya i informatsionnoye protivostoyaniye v mirovoy politike [Digital Diplomacy and Information Confrontation in World Politics]. https://bookonline.ru/system/files/node/lecture/7-6_surma_531-539.pdf
8. Tsvetkova, N.A. (2020). Tsifrovizatsiya publichnoy diplomatii SShA [Digitalization of US Public Diplomacy]. *Aktualnyye problemy mirovoy politiki*, (10), 432-443.
9. UN General Assembly. (2024, December 24). Resolution No. A/RES/79/239 "Application of artificial intelligence in the military field and its implications for international peace and security." <https://digitallibrary.un.org/record/4071348?v=pdf>
10. Vishnevskiy, V.P. (2019). Tsifrovaya ekonomika v usloviyakh chetvertoy promyshlennoy revolyutsii: vozmozhnosti i ogranicheniya [Digital Economy in the Context of the Fourth Industrial Revolution: Opportunities and Limitations]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*, 35(4), 606-627.
11. Zakharova stated that Russia advocates reducing the digital divide in the world. (2025, September 7). Moskva24. <https://www.m24.ru/news/politika/07092025/828246>
12. Zinovieva, E. (2013). Tsifrovaya diplomatiya, mezhdunarodnaya bezopasnost i vozmozhnosti dlya Rossii [Digital Diplomacy, International Security and Opportunities for Russia]. *Indeks Bezopasnosti*, 19(1(104)), 213-228.